

В.А.Тарасов-Слишин

16+

Исповедь колдуна. Трилогия.
Том 2. Андрей Соколов

Фантастический роман. Библиотека
Советской Литературы

Виктор Тарасов

Исповедь колдуна.
Трилогия. Том 2

«ЛитРес: Самиздат»

1997

Тарасов В. А.

Исповедь колдуна. Трилогия. Том 2 / В. А. Тарасов — «ЛитРес: Самиздат», 1997

Трилогия. Роман - Исповедь колдуна. Том 2. Андрей Соколов. Повествует о переносе сознания зрелого мужчины в тело подростка. Сына - богатых и успешных родителей. Повествует об усилении героя. Как - Белого Колдуна. В сюжете реализованы идеи и записки, моего отца - Тарасова Анатолия Николаевича. Посвящается всем труженикам Заполярной Дудинки и Норильского Промышленного района. Для широкого круга читателей.

Содержание

Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Глава 1

Боль пронизывала мой разум со всех сторон, заставляя корчиться отсутствующее тело. Огненные клубки болевых ощущений, словно бешеные псы, кидались на смятенное сознание, стараясь разорвать его на части, лишить способности к сопротивлению и погасить вновь.

Боль пробивала магическую защиту и заставляла интенсивнее расходовать на ее преодоление небольшой запас психоэнергии, еще остававшийся во мне. Я быстро понял, что если ничего не придумаю для своего немедленного спасения, то долго мне в таком состоянии не продержаться.

Мысли метались вспугнутыми птицами: господи, куда это я попал? Откуда боль? Что случилось? Где я нахожусь? С помощью сверхчувственного восприятия я ощупывал окружающее пространство, стараясь понять, почему во мне живет ощущение давящей тесноты, не позволяющей шевельнуться. Холодная омертвевшая плоть стискивала меня со всех сторон и я с ужасом понял, что завяз, что нахожусь в остывшем головном мозге трупа и не могу выбраться наружу: не было ни одной щели для бегства. Чье это было тело – мое или чужое – я не мог припомнить, словно какая-то непроницаемая завеса закрыла от меня последние события. И, честно говоря, было не до воспоминаний. Нужно было бороться за жизнь, а не вспоминать. Вот только энергии для этого у меня почти не было.

Внезапно, где-то глубоко, почти за границей сознания зародилось сияние. Оно быстро усилилось и скоро затопила все вокруг сияющая синева, казавшаяся мне бездонной. Главное, она отодвинула за свои пределы темные волны атакующей меня боли.

На фоне этой синевы вдруг возникли огненные знаки сложной магической формулы и одновременно со знаками в моем сознании раздался гулкий и властный голос, который потряс всю мою сущность: «Борись за жизнь, человек, и ты победишь! Останешься жить, чтобы лечить людей!»

Голос умолк так же внезапно, как и возник, ушла сияющая синева, только светящиеся знаки магической формулы – готовая программа оживления тканей, остались, образовав огненное кольцо на периферии сознания. О ее знаки с шумом и грохотом разбивались темные волны пытающейся пробиться ко мне боли.

Я мысленно поблагодарил неизвестную силу, пришедшую мне на помощь, и сосредоточился, собрав воедино всю свою энергию. Осторожными движениями поля трогал омертвевшую нервную ткань, подпитывая ее энергией для регенерации, постепенно расширяя и углубляя свое воздействие. Медленно и неохотно нервные клетки вокруг меня начали оживать, посылать соседним слабые импульсы, восстанавливать нарушенные связи.

Из знаков магической формулы я создал что-то вроде необходимого мне астрального тела и оно, постепенно расправляясь, помогало начавшемуся процессу оживления побеждать холод и оцепенение смерти.

Первое сокращение ожившего сердца отозвалось во мне ударом могучего колокола. Я ощутил, как толчок сердечной мышцы медленно протолкнул по артериям загустевшую и остывшую кровь. Второй толчок, третий...

Медленно ожили мышцы грудины и диафрагма, медленно расправились опавшие легкие, вбирая в себя порцию холодного воздуха. Ожили центры сердечной деятельности и дыхания – понял я, действуя и дальше в таком же духе. И тут же усилием воли отключил посторонние мысли. Преодолевая все нарастающую слабость и вялое сопротивление чужого, незнакомого мне тела, я медленно поднял температуру, начиная чувствовать, как оживают и начинают работать печень, почки, нервы периферийных зон, начинают посылать свои сигналы возрождающемуся мозгу. Мое сознание уже контролировало почти все тело. Сложнее было с мозгом, ибо все основные повреждения были связаны с черепно-мозговой травмой.

Мельчайшие осколки кости глубоко проникли в ткани правого полушария и мне понадобилось потратить дополнительную порцию энергии, чтобы вывести их наружу, уложить на нужное место в черепной крышке и восстановить структуру костной ткани.

Я восстанавливал обширные участки мозга, захваченные зонами кровоизлияний и механических повреждений, латал многочисленные сосуды и капилляры, и все это на грани потери сознания и все сильнее наваливающейся на меня слабости, обусловленной огромным напряжением и истощением психоэнергии.

Черепно-мозговую травму я так и не смог залечить до конца. Но и того, что я сумел сделать, хватило, чтобы это тело могло жить и не умереть до тех пор, пока я смогу восстановить свои силы и завершить процесс регенерации. Медленно, ослабив сопротивление, я уплывал в спасительную тьму беспамьяства, избавляясь от вновь нахлынувшей боли...

Чей-то громкий удивленный возглас, раздавшийся рядом со мной, вырвал меня из пелены беспамьяства и на мгновенье заставил раскрыть глаза.

– Лида, смотри, мертвец-то наш, оказывается, жив!

Что-то коснулось моей обнаженной груди и надо мной возник смутный овал, обрамленный чем-то белым. Как я не старался, так и не смог сфокусировать свой взгляд. Зрочки не слушались, не хотели подчиняться моим усилиям и даже само тело стало каким-то чужим, непослушным, посылало со всех сторон болевые импульсы в окутанный туманом мозг, как будто у меня не осталось ни одного неповрежденного органа. Отражать столь массивную болевую атаку у меня просто не было сил. Я застонал и снова потерял сознание.

Но даже в глубине беспамьяства я каким-то уголком своего усталого мозга ощущал, что меня куда-то несут, что меня касаются чьи-то руки, переворачивают, что-то делают с моей головой. Затем я почувствовал укол, сделанный мне в руку и нашел в себе силы очнуться.

Яркий свет... Смутные пятна на сером фоне. Рядом чьи-то тихие всхлипывания.

Усилием воли я сфокусировал свои зрочки, с трудом настроил глазные мышцы на бинокулярное зрение и увидел рядом с собой уставшее лицо незнакомой женщины, по щекам которой катились слезы и глухие рыдания сотрясали ее тело, которые она старалась подавить.

Боль по-прежнему накатывала на меня волнами, мешая мыслить, но все равно я точно знал, что вижу эту женщину в первый раз в жизни и потому не мог понять, почему она так горестно плачет.

– Где я? – хриплым шепотом спросил я. – Что со мной случилось?

Женщина поспешно протянула ко мне руку и погладила меня по щеке. Второй рукой она вытерла слезы и улыбнулась.

– Андрюшечка, миленький... ты очнулся! Живой!.. Мальчик мой! С того света вернулся... Радость-то какая!

– Мамаша! Перестаньте волновать мальчика, ему вредно напрягаться. – услышал я другой голос и в поле зрения появилась пожилая медсестра в белой шапочке с медицинским шприцем в руках.

Временами перед глазами у меня все плыло, шумело в голове. Соображал я совсем плохо и потому никак не мог понять, почему незнакомая мне женщина называет меня своим мальчиком и Андрюшей. Понял только, что нахожусь в больничной палате и медсестра готовится поставить мне какой-то укол.

Сильные руки пожилой женщины откинули накрывавшую меня простыню, осторожно повернули на бок и я почувствовал, как в левую ягодицу воткнулась игла шприца.

Я невольно застонал. Почему-то лекарство, которое вводила в мое тело сестра, ощущалось мной нестерпимо горячим.

– Что вы со мной делаете? – хотел возмутиться я, но ощущение жара вдруг резко усилилось, горячей волной распространилось по телу, и я почувствовал, как сознание вновь заволакивается клубами темного тумана.

– А вы, мамаша, шли бы лучше отсюда и не мешали! – успел я услышать удаляющийся голос пожилой медсестры, – Не понимаю, как это Виктор Иванович разрешил подобное безобразие.

Горячий водяной вал уже подхватил меня своим кипящим гребнем и понес, покачивая, куда-то в туман. Не в силах сопротивляться я закрыл глаза и вновь погрузился в темный омут беспомощности...

Таким было мое первое пробуждение к жизни. Второе произошло спустя много времени и, как я вначале подумал, ночью.

Когда я проснулся, меня сжигала жажда. Я хотел облизнуть свои потрескавшиеся губы и не смог. Слюны не было, а сухой и шершавый язык едва умещался в полости рта.

Я тихонько застонал и сразу же чьи-то заботливые, нежные руки осторожно подняли мою голову. Прохладная влага смочила губы. Нащупав ими поднесенный ко рту стакан, я потянул в себя прохладную и удивительно вкусную жидкость. Сделал один глоток, потом другой.

– Пей, Андрюшенька, пей! – услышал я ласковый шепот. – Пей, сыночек, только не уходи больше, останься жив, хороший мой!

Не видя лица, склонившейся надо мной женщины, я физически ощущал волну исходящей от нее тревоги и нежности.

– Спасибо, мать! – нашел я в себе силы прошептать слова благодарности, почувствовав, как прохладная ладонь легла мне на лоб, и что мне от этого прикосновения становится заметно лучше. – Скажите мне, как я попал в больницу и что со мной случилось?

– Все мотоцикл твой проклятый виноват, сыночек! – услышал я тихий прерывающийся шепот. – Говорила отцу: не покупай этого зверя. Рано. Только ты, Андрюша, очень уж просил, вот и купили на твою и нашу беду.

В сгустившихся сумерках больничной палаты я не смог рассмотреть лица женщины, но почему-то был уверен, что она та же самая, которая плакала возле моей больничной койки днем. И еще был уверен, что никогда раньше я эту женщину не видел. То, что она почему-то называла меня сынком, Андрюшей, а теперь толковала что-то о мотоцикле, который они мне купили с отцом, не могло меня обмануть.

Мысли мои еще слишком вяло шевелились в затуманенном лекарствами и слабостью сознании. И все-таки я попытался обдумать эту, возникшую передо мной проблему.

Я точно знал, что меня зовут не Андреем, а Юрием. Я помнил и действительно ощущал себя Юрием Анатольевичем Ведуновым, отчетливо помнил свое детство, юность, хорошо помнил свою взрослую жизнь, работу в Таймырской геофизической экспедиции, свою жену Светлану и, конечно же, своих ребятишек, с которыми я в девяносто втором году летал в отпуск.

Но вот дальше в своей памяти я обнаружил какой-то провал, полное отсутствие воспоминаний, которое меня беспокоило. И уж тем более я не смог вспомнить, каким образом я оказался в больнице. Кроме того, меня беспокоило то обстоятельство, что я никак не мог вспомнить сидящую возле меня женщину.

«Может быть, она сошла с ума и потому считает меня сыном? – предположил я. – Жаль, что она ошибается, ей будет очень плохо, когда выяснится, что я не ее сын, которого она, по видимому, очень любит».

Впрочем, меня что-то беспокоило и помимо странного заблуждения сидевшей рядом со мной женщины. Какое-то смутное воспоминание, ощущение чужого остывающего тела, почти безнадежная борьба за свою жизнь. Боль...

Черт! Неужели все это мне не приснилось, а было на самом деле? – встревожено подумал я, – Фантастика какая-то!

– Мать, здесь темно, зажгите, пожалуйста, свет! – шепотом попросил я.

Женщина с готовностью кивнула головой, поднялась на ноги и пошла к затянутой чем-то темным стене. Она раздвинула плотные двойные шторы на окне, и в маленькую узкую комнату с голыми стенами ворвался поток света, который поначалу показался мне очень ярким.

Я зажмурил глаза. «Значит, ошибся и сейчас не ночь, а день» – мелькнула у меня мысль. Я вновь открыл глаза. Когда они полностью привыкли к свету, я впервые рассмотрел, что женщина, называвшая меня сыном, выглядит подозрительно молодо для матери сорокалетнего мужика, и почему-то встревожился еще больше. Что-то во всем, что меня окружало, выглядело не так.

Я поднял руку, чтобы поправить накрывавшую меня простыню и замер. Это была не моя рука! Тонкие, длинные пальцы, худенькое предплечье с хиленькими, совсем не моими мышцами. Уже догадываясь, что могут увидеть мои глаза, я рывком откинул простыню в сторону и отчаянно закричал, потому что под простыней на больничной койке лежало тоже не мое тело. И это тело было худеньким, нескладным телом подростка.

Женщина метнулась ко мне, ее руки уложили меня на постель.

– Ну что ты, Андрюшечка, – уговаривал меня ласковый голос, – успокойся. Самое страшное позади... Ты выздоровеешь, сыночек!

Я попытался сопротивляться, но у меня было слишком мало сил. Дрожь сотрясала меня, в горле клокотало, сердце бешено колотило под горлом, но хуже всего были мысли, которые разбегались вспугнутыми тараканами. И все-таки я замолчал, потому что начал вспоминать...

Ласковая, нежная энергия текла в мое сознание с прохладных, удерживающих меня женских рук. Она вливалась в меня щедрым потоком, проясняя сознание, наливала силой и здоровьем мое измученное тело. Только настоящая мать могла так щедро и безоглядно дарить другому человеку свою психоэнергию, какую тратила на меня эта женщина. За несколько мгновений она влила ее столько, что мое сознание прояснилось окончательно и я все окончательно вспомнил. Вспомнил все, что произошло со мной за последний год, вспомнил и самые последние события, когда мой дудинский «оригинал» послал меня в Смирно.

И, самое главное, я смог вспомнить, что произошло со мной в самом Смирно. С ужасом я понял, что сам оборвал связывающую нас с двойником энергетическую нить мыслесвязи, когда бросился на стекло веранды, совсем позабыв, что нахожусь в теле маленькой серой птахи.

Значит, мыслесвязи с Дудинкой больше нет и не будет, понял я, нам ее не восстановить, и жить мне, следовательно, осталось меньше девяти суток. Кроме того, я совершил преступление и каким-то образом попал в тело подростка, полностью подавив его сознание. Я попытался, но так и не смог вспомнить, почему я это сделал и, самое главное, зачем? Сожаление о сделанном и отчаяние охватило меня.

Что же ты наделал, Ведунов? Что же ты наделал? На девять суток похитил тело какого-то мальчишки. Неужели ты таким образом понадеялся спастись от смерти? И эта женщина? Значит она не ошибается, называя меня Андреем? Пожиратель душ, похититель тел, преступник! И как ты сможешь теперь посмотреть в глаза его страдающей матери? Может быть, именно ты причина того, что случилось с подростком, когда ты подавил его сознание и вселился в его тело?

Рядом со мной, наклонившись ко мне, сидела на больничной койке женщина. Ее руки ласково касались моего лица, тихий успокаивающий голос журчал светлым живительным ручейком, поддерживая меня и успокаивая.

Усилив воли я попытался успокоиться и взять себя в руки. Моей энергии было недостаточно для того, чтобы я прямо сейчас смог покинуть чужое, не принадлежащее мне тело, но ее хватало на то, чтобы я смог обшарить закоулки чужого мозга и обнаружить загнанное внутрь, заблокированное чужое сознание. Нужно было только сосредоточиться, заглушить панику своих мыслей и начать поиски.

С трудом я смог припомнить необходимую мне формулу мысленного воздействия и начал искать. Помогла женщина, мать подростка, которая по-прежнему щедро вливала в меня потоки своей энергии.

Медленно преодолевая сопротивление чужого тела я погрузился вглубь мозга, но ничего не смог обнаружить, кроме физических нарушений в коре правого полушария. Сознания подростка в теле не было. Не было никаких признаков чужого сознания, даже памяти его не осталось.

Это было неправильно, невероятно. Этого просто не могло быть, но так было. Выходит, я убил сознание Андрея, полностью изгнал из тела, чтобы без помех прожить свои девять суток. Я почувствовал ненависть к самому себе. «Ты опять стал убийцей, Ведунов, продолжай искать, перейди на сверхчувственное восприятие. Ищи!»

Энергии было мало, но что значила для меня теперь эта энергия? Я не хотел больше жить. В конце концов, какая может быть разница умереть мне сейчас или через восемь суток? Ищи!

Рывком, потратив почти всю свою энергию, я перешел на видение круговым обзором. Стали призрачными стены больничной палаты, ярко засветилась зеленым аура сидевшей рядом женщины. Увеличивая дальность обзора, я прощупывал все расширяющуюся сферу своего восприятия и искал. Искал хотя бы малейший признак перешедшего в полевую форму сознания подростка, хотя бы самый маленький след серебряной нити, протянутой от него к покинутому телу, и не находил. Даже следа астрального тела не было.

Стоп! Астральное тело! Я поспешно сбросил дальность сверхчувственного восприятия. Астральное тело! Ушел в глубину собственных ощущений. Странно. Тело, в котором сейчас обитал мой разум, было чужим, но зато астральное тело, оно было моим. Моим собственным! Слабым, кое в чем ущербным, но сомнений никаких у меня не было, астральное тело было моим.

Нужно было успокоиться и тщательно обдумать возникшую ситуацию. Но силы мои были уже на исходе. Я глубоко вздохнул и вновь провалился в спасительное для меня небытие.

Очнулся я рано утром или быть может не утром, потому что солнечные лучи могучим потоком вливались в окно и сияющим живым пятном ложились на противоположную стену палаты. Время для меня сейчас не имело никакого значения. Просто настроение у меня было утренним и мне следовало разобраться: почему? Перевести из сферы подсознания вдруг появившуюся у меня уверенность, что все должно закончиться благополучно, и оформить это ощущение в мысль.

Возле палатной двери шепотом переговаривались между собой женщина, которая называла меня своим сыном, и пожилая медсестра, державшая в руках коробочку из нержавеющей стали. Опять будет колоть, понял я.

Потом мать Андрея ушла и медсестра осталась в палате наедине со мной. Она приблизилась к моей кровати и, увидев, что я смотрю на нее, улыбнулась.

– Ну, бывший покойничек, как себя чувствуешь? Как там на том свете? Просто чудо какое-то...

Она хотела продолжать в таком же духе, но я оборвал ее.

– Смотрите мне в глаза и отвечайте! – резко сказал я именно с теми модуляциями голоса, которые исключали всякую возможность неповиновения.

Женщина застыла на месте. Ее глаза встретились с моими и застыли.

– Отвечайте мне только правду, какой бы неприятной она для меня не была! – продолжал я. – Как я попал в вашу больницу, и что со мной произошло?

Пожилая медсестра начала отвечать, и я постепенно, путем наводящих вопросов выяснил все, что меня интересовало.

Оказалось, что позавчера, то есть двадцать седьмого июня, примерно в начале седьмого часа вечера мое тело было доставлено машиной скорой помощи к ним в хирургическое отделение с черепно-мозговой травмой. Но в операционную палату меня даже не стали заносить. Я умер еще в машине от множественных повреждений мозга и обширного кровоизлияния не приходя в сознание. Ведущий хирург со старшей сестрой отделения реанимации при осмотре констатировали мою смерть и распорядились сразу же отнести тело в морг.

Представляю, каково же было удивление санитарки, поздно утром обнаружившей в холоде морга мое тело, которое было теплым и дышало.

Был срочно вызван перепуганной санитаркой дежурный врач, началась неизбежная в таких случаях суматоха. Вырванный из объятий сна ведущий хирург, Силин Виктор Иванович, был срочно доставлен в больницу и только пожимал плечами, когда убедился, что пациент, которого он считал покойником, вдруг оказался жив. Жив настолько, что ему не требовалась даже черепная операция, хотя он и был без сознания.

К этому времени мое тело уже было опознано и в стационар была срочно вызвана моя мать, по просьбе которой изумленным хирургом было отдано распоряжение положить меня в маленькую отдельную палату. Утром вся больница гудела от голосов, с удивлением обсуждавших произошедшее ночью чудо, очень похожее на воскрешение.

Подлила масла в огонь и дежурившая в тот вечер и ночь в морге санитарка, которая клятвенно утверждала, что где-то в одиннадцатом часу вечера вдруг увидела сияние, пробившееся сквозь глухую стену морга, и которое медленно опустилось на остывшее тело. Оно окутало труп голубым ярким пламенем и исчезло. Она бросилась бежать, а когда через несколько часов осмелилась вновь заглянуть в помещение, труп подростка был уже теплым и от дыхания заметно поднималась его грудь.

Не смогу описать, какое облегчение я почувствовал, когда выяснилось, что я не убийца. Ведь, судя по ответам медсестры (а не верить ей у меня не было никаких оснований), я занял своим сознанием давно остывший труп, который часа два назад как покинули и душа и астральное тело. Поэтому-то я нигде не смог обнаружить даже признаков «серебряной нити», сообразил я.

После насыщенного эмоциями рассказа пожилой медсестры мне многое стало ясно, хотя некоторые нюансы продолжали вызывать удивление. Мне не ясно было, каким путем я смог внедриться в давно остывший труп и, главное, откуда у меня появилось столько энергии, чтобы оживить его и залечить многочисленные повреждения, к тому же еще создать заново себе новое астральное тело.

Я смутно помнил свою борьбу с омертвевшими тканями, свое отчаяние и катастрофическую нехватку энергии, свои яростные попытки заставить подчиниться сознанию мертвые нейроны чужого мозга.

Было действительно очень непонятно, каким образом я нашел в себе столько сил, чтобы заставить смерть отступить. В конце концов я решил, что буду разбираться со всеми чудесами потом, и продолжал спрашивать, чтобы вытянуть из пожилой женщины все, что можно, пока в палату не вернулась женщина, которая считала меня своим ожившим сыном.

– Скажите, Евгения Андреевна, как зовут мою мать? – спросил я.

Глаза медсестры удивленно расширились, но связанная моим приказом, она ответила:

– Зовут Зоей... Зоей Владимировной.

Я отлично понимал причину ее удивления, но продолжал спрашивать.

– А фамилия?

– Фамилия, Соколова.

– Как зовут моего отца?

Брови женщины с каждым моим вопросом поднимались все выше, но она по-прежнему отвечала на мои вопросы.

– Соколов... кажется Игорь Николаевич, я точно не помню.

– Есть ли у меня другие братья или сестры?

– Не знаю – растерянно сказала она и я видел, что она действительно этого не знает.

– Где я сейчас нахожусь? – продолжал свой допрос я.

– В больнице, в хирургическом отделении. – медсестра явно не поняла смысла моего вопроса.

– Я имею в виду поселок или город, в котором мы с вами находимся в настоящий момент. – терпеливо пояснил я.

– Мы находимся в Дудинке. Где же еще? – все с большим удивлением отвечала женщина.

– В Дудинке? – тоже с удивлением повторил я и замолк.

Это было для меня самым большим сюрпризом. Я предполагал, что нахожусь где-то на Украине, в Перванчах или Горохове. То, что я находился в Дудинке, являлось для меня каким-то чудом. Приятным, конечно, чудом, но его надо было обдумать.

– Хорошо, Евгения Андреевна! – обратился я к пожилой женщине. – Мы выяснили с вами все, что я хотел. А теперь мне надо отдохнуть и подумать. Нет, нет, уколов мне больше никаких ставить не нужно! – поспешно сказал я, видя, как медсестра стала доставать из своей коробочки шприц. – Идите к себе, Евгения Андреевна, и забудьте все, о чем мы с вами только что говорили.

Когда пожилая медсестра покинула палату, я закрыл глаза и расслабился.

Ну, хорошо: первое – я не убийца, и это самое замечательное из всего, что я узнал; второе – я нахожусь в Дудинке, это тоже приятный для меня сюрприз, значит, оригинал продолжал бороться, когда я оборвал связывающую нас нить мыслесвязи и вытянул меня в Дудинку. Но что произошло дальше? Почему мы не слились в одно целое? На это у меня пока не было никакого ответа. Возможно, он израсходовал на мои поиски всю свою энергию и в этот последний рывок вложил остатки своей силы, а потом потерял сознание, так и не завершив дело? Где он сейчас? Что делает?

Как бы то ни было, я нахожусь в Дудинке, и это тоже значительно облегчило нашу задачу. И у меня оставалось достаточно времени, чтобы выяснить, что случилось с оригиналом, и предпринять дальнейшие шаги соответственно обстоятельствам.

Восемь... нет семь с половиной дней – порядочный срок, Ведунов, чтобы соединиться с оригиналом. Ему, наверное, сейчас также плохо, как и мне.

Я вспомнил о Светлане, находящейся в Смирно, о своих ребятишках, о Мурашкине и вновь почувствовал, как меня охватывает неприязнь к жене и ненависть к программисту. С трудом я оборвал себя и заставил успокоиться. «Хватит, Ведунов, у тебя сейчас и без того мало энергии, чтобы ты ее расходовал на эмоции. Лежи тихо и набирайся сил, необходимых тебе для воссоединения с оригиналом, потом будем переживать вместе. А теперь спать, Юрка, спать!»

Короткая формула магического заклинания послушно всплыла в памяти и я уснул.

Глава 2

Прошло три долгих, томительных для меня, дней. Я день ото дня креп, набирался сил. Молодой организм шестнадцатилетнего подростка оказался удивительно пластичным и податливым лечению с помощью приобретенных мною магических знаний. На вторые сутки я накопил уже столько энергии, что смог исправить те огрехи и нарушения в теле, которые вынужден был оставить как есть при его оживлении. Только рану на голове я оставил без изменения, решив, что внезапное исчезновение обширного повреждения кожного покрова и сросшиеся кости повергнут в шок и без того достаточно удивленных наших дудинских эскулапов, и не стал снимать гипсовый лангет с левого предплечья.

Навещавший меня главный хирург Виктор Иванович во время своих визитов держался, как и положено опытному врачу, бодро и уверенно, но я видел, как беспокойно мечутся его мысли. Опытного врача постоянно мучила загадка моего воскрешения. Виктор Иванович не мог себе простить допущенный промах и казнил себя за те часы, что моему телу пришлось пролежать в холодном помещении морга. Он постоянно тревожился, не поднялась бы у меня температура, сигнализирующая о начавшемся воспалении легких.

Естественно, во избежание лишних недоразумений, я не мог успокоить на этот счет хирурга, зато Зоя Владимировна при виде Виктора Ивановича прямо расцветала от почтительности.

Выбрав подходящий момент, я попросил Зою Владимировну принести для меня какое-нибудь зеркало. Она удивленно посмотрела на меня, но послушно встала и направилась к двери. Через пять минут она вернулась, неся в руке маленькое круглое зеркальце, и подала мне.

Оставшись один, я здоровой рукой поднес кругленькое зеркальце к своему лицу и долго рассматривал его. Прямой нос, высокий лоб, большие серые глаза, продолговатый овал лица и нежная, с едва начавшим пробиваться пушком кожа. Симпатичное, еще не оформившееся лицо подростка, резко оттеняемое шапкой бинтов, венчающих разбитый затылок с перехватом под подбородком.

Первое время я с трудом заставлял себя называть эту молодую женщину мамой. Согласитесь сами, что странно сорокачетырехлетнему мужику называть мамой женщину, которая моложе тебя на семь лет. Но делать другого было нельзя и я постепенно привык, тем более, что эта удивительная женщина при своем появлении по-прежнему изливала на меня целые потоки нежности и своей энергии, которая помогала мне быстро оправиться от травмы.

В первый же день вечером того дня, когда я окончательно проснулся, я осторожно попытался у нее выяснить, не знает ли она некоего работника Таймырской геофизической экспедиции геодезиста Ведунова Юрия Анатольевича.

Зоя Владимировна отрицательно покачала головой.

– Нет, Андрюша. Я не понимаю, почему ты вдруг начал интересоваться работником экспедиции? Откуда ты его знаешь?

– Да просто так, мама. Просто поверь, что мне это нужно. Может быть, ты сможешь выяснить, где он живет и, самое главное, где он сейчас находится.

– Хорошо, я попытаюсь. – она пожала плечами и направилась к выходу из палаты.

Уже в коридоре я услышал, как она негромко поинтересовалась у проходящей мимо медсестры.

– Послушайте, вы случайно не знаете у нас в Дудинке человека по фамилии Ведунов? Он работает в ТГЭ.

– Нет, мамаша, не знаю такого. – услышал я ответ медсестры. – Впрочем, мне кажется, что я где-то слышала недавно такую фамилию. Но вам будет гораздо проще обратиться в горисполком или в ЖКО, если он только прописан.

– Я так и сделаю, – услышал я ответ своей названной мамы.

На следующее утро Зоя Владимировна пришла в мою палату почти к обеду. Обняв и поцеловав меня, она поставила возле моей тумбочки хозяйственную сумку внушительных размеров и начала вытаскивать и ставить возле тумбочки множество банок и свертков.

Я, улыбаясь, смотрел, как она хлопочет, расставляя и раскладывая банки и свертки по полочкам.

– Можно подумать, что вы решили, будто я собираюсь провести в больнице почти всю свою жизнь. – улыбаясь заметил я.

Зоя Владимировна улыбнулась мне и выпрямилась.

– Как-то ты странно стал разговаривать со мной, сынок. – сказала она. – Раньше ты никогда не называл меня на «вы».

– Это у меня случайно вырвалось, мама, – вынужден был соврать я. – Лучше скажи, не узнала ли ты что-нибудь нового о Ведунове?

– Узнала, Андрюша. – ответила она. Оказывается он живет в новой девятиэтажке возле «Умки». Я даже сходила туда, только дверь была закрыта, наверное, никого дома не было, все на работе.

Я покачал головой.

– Вряд ли он сейчас ходит на работу, мама. Он сейчас в отпуске и скоро должен улететь на материк.

– Хорошо, Андрей, я только немного побуду у тебя, я потом еще раз схожу. Ты лучше попробуй вот этого. Твои любимые, горяченькие еще.

И она выложила на тарелку только недавно приготовленные, исходящие паром пельмени.

Я невольно улыбнулся и проглотил слюну.

– Спасибо, мама. – сказал я.

Но едва я сделал попытку подняться, как она метнулась ко мне с встревоженным выражением лица.

– Нет, нет, сынок! Только не поднимайся, лежи. Я сама покормлю тебя.

– Ну что вы, ... то есть ты, мама. Я достаточно взрослый человек, чтобы есть самостоятельно.

Лицо ее все больше становилось тревожным.

– Врачи не советуют тебе пока подниматься, сынок! Не упрямясь, позволь мне покормить тебя.

Она была так обеспокоена и так горячо настаивала на своем, что я был вынужден отступить, не уставая удивляться про себя силе материнской любви, владеющей этой женщиной. Она поддерживала мою голову левой рукой, ложкой подавая мне один пельмень за другим, пока я не насытился. Серые глаза Зои Владимировны при этом светились такой лаской и такой всепоглощающей любовью, что временами становилось нестерпимо стыдно за свой невольный обман. Я впервые задумался о том времени, что с нею станет, когда мне придется покинуть тело ее сына. Сможет ли она пережить такой удар и не сломаться?

Положение в каком я оказался с каждым прошедшим часом нравилось мне все меньше и меньше, но пока я ничего не мог придумать.

Ты представляешь себе, Юрка, что она будет испытывать, когда ты покинешь тело мальчика и вернешься в свое? Так попробуй представить себе, бесчувственный чурбан, ведь она считает тебя своим чудесным образом воскресшим сыном! Разве ты не слышал вчера ночью, как она неумело, по своему молилась богу и благодарила его за твое спасение?! Ты ищешь своего двойника, чтобы вернуться в ваше общее тело, снова окунуться в свои семейные заботы. Я понимаю, ты любишь своих детишек, любишь или любил свою жену. Сегодня ночью тебе приснилась дочка. Способен ли ты представить себе то горе, которое испытывает настоящая мать при гибели своего ребенка? Молчишь?... Значит, тебе нечего сказать.

Чувство, которое мы называем совестью, постоянно шевелилось в моей душе и я никак не мог окончательно решить, как поступить.

Стояла перед моими глазами Светлана, ребяташки, и я не мог отказаться от них. Никак не мог! В конце концов я пошел на временный компромисс со своей совестью и решил протянуть, сколько смогу, и ничего не предпринимать, пока не увижу и не поговорю со своим двойником.

И я стал торопить свою приемную мать поскорее найти мне Ведунова.

Утром третьего дня меня ожидал «приятный» сюрприз. Ночью прилетел, прервав свою командировку, отец Андрея. Проснувшись утром, я обнаружил сидящего на стуле рядом со мной человека лет сорока с утомленным лицом, серыми глазами и широкими развернутыми, как у спортсмена, плечами.

Он сразу же заметил, что я проснулся, и твердые сильные пальцы уверенно легли на мою руку.

– Как ты себя чувствуешь, сын? – спросил он приятным, слегка глуховатым голосом.

– Хорошо, папа. – вынужден был ответить я.

– Мать сказала, что ты пошел на поправку. Это правда?

– Правда, – ответил я. – А как твоя командировка, папа?

Он улыбнулся и внимательно посмотрел мне в глаза.

– Командировка прошла как всегда, Андрей.

– Мама говорила, что послала тебе телеграмму, но не была уверена, застанет ли она тебя в Красноярске на старой квартире. Удалось ли тебе достать все, что нужно?

– Странно! – усмехнулся мой названный отец. – Раньше ты никогда не интересовался моими проблемами и моей работой. Но раз ты вдруг заинтересовался моими делами, значит ты начал взрослеть, сын. Это хорошо.

Его зовут Игорь Николаевич, вспомнил я. Зоя Владимировна отзывалась в наших беседах о своем муже с большим уважением. Оказалось, что несколько лет назад он некоторое время работал в нашей экспедиции механиком в Сузунской полевой партии и был, по слухам, очень неплохим механиком. Я, конечно, не помнил его, хотя почему-то был уверен, что мне знакомы эти серые глаза и уверенный взгляд сидевшего рядом со мной человека.

Три года назад он ушел из экспедиции и организовал свою авторемонтную мастерскую. По рассказам Зои Владимировны дела у него до сих пор шли неплохо. Я судил еще и по тому, что, по рассказам матери, он не жадничая купил сыну компьютер, корейский видеомagneфон, щедро выделял сыну деньги на видеокассеты, а когда сын запросил, то и на мотоцикл, причем какой-то престижной японской марки. Так что, судя по всему, семья эта не бедствовала, жила достаточно зажиточно. Вот только мне не нравилось, что они в последнее время изрядно баловали своего единственного отпрыска, что и довело его до беды.

Несколько минут мы молчали. Я размышлял и вспоминал то, о чем мне рассказывала Зоя Владимировна, а мой отец, отвернувшись от меня, смотрел в окно и о чем-то тоже думал.

Наконец от повернулся ко мне и сказал решительным тоном.

– Я должен поставить тебя в известность, сын, что твоего «кавасаки» больше не существует в нашей реальности.

Подождав немного и видя, что я молчу, он продолжил.

– Сегодня утром, только добравшись до дома, я пошел в милицию и забрал мотоцикл, а потом я взял кувалду в гараже и разбил его в пух и прах, к чертовой матери.

Решительный мужик! – подумал я, невольно усмехаясь про себя. Это надо иметь характер, чтобы испортить машину, стоившую ему, наверное, миллионы. Да еще кувалдой.

А так как Игорь Николаевич продолжал смотреть на меня с упрямым и воинственным выражением лица, я вынужден был прореагировать на его заявление. Раз он заговорил со мной на языке дипломатов, то я тоже отвечу ему той же монетой. И я сказал, улыбаясь:

– Может быть, не стоило поступать так решительно, папа? Гораздо лучше было продать... Как ты считаешь?

Он посмотрел на меня с удивлением, открыл было рот, чтобы что-то сказать, потом улыбнулся и повернулся к двери. Я услышал за дверью палаты легкие торопливые шаги, дверь распахнулась и в палату влетела сияющая Зоя Владимировна. Они мельком переглянулись между собой, улыбнулись друг другу. Он постарался незаметно для меня тихонько коснуться рукой плеча жены. Зоя Владимировна на мгновение прижалась к плечу мужчины, потом подошла ко мне и поцеловала, легко прикоснувшись губами к моей щеке.

Прошло всего несколько мгновений, но для меня, умудренного опытом прожитой жизни, все было ясно. Эти люди даже после семнадцати лет супружеской жизни продолжали любить друг друга и были откровенно счастливы.

Я вспомнил свою Светлану, вздохнул и невольно позавидовал счастью своих приемных родителей.

Зоя Владимировна наклонилась и открыла тумбочку, потом с упреком посмотрела на меня.

– Разве так можно, Андрюша? Посмотри, Игорь, как твой сын кушает. Все стоит на месте. Он ни к чему не притронулся. Поговори с ним, пожалуйста!

– Так ведь тут припасов на целый взвод. – стал защищаться я. – Тебе, мама, и папа тоже самое скажет. Скажи ей, папа.

Слово «мама» я немного привык произносить за три дня, но вот «папа» у меня с языка сходило с большим трудом. Называть папой мужика, наверное, года на три моложе меня, очень не хотелось. Во всем мне чувствовалась какая-то неприятная фальшь, причем именно с моей стороны. Все твоя магия, Ведунов, обозлился я на себя. Все дар. Сила. Целительство. Вот и допрыгался до самого настоящего фарса. Видишь перед собою двух счастливых людей, а как они через пять дней выглядеть будут? Ты об этом лучше подумай, «сыночек»!

– Кстати, Андрюшенька, у меня для тебя новость. – сказала Зоя Владимировна. – Оказывается твой Ведунов... он не живет дома. Он тут рядышком, в этой же больнице лежит. На первом этаже, в нервном отделении.

– Ведунов? – мой приемный отец нахмурил брови. – Это какой Ведунов? Не тот ли самый, что работает в ТГЭ топографом? Здоровый такой мужик?

– Он самый, папа.

– С какой стати он тебя заинтересовал, Андрей?

– Нужно, папа! – решительно сказал я. – Поверь, что мне с этим человеком обязательно нужно встретиться. Мама, ты принесла мне спортивный костюм, как я просил?

– Принесла, сынок, только тебе ведь нельзя вставать. У тебя же рука сломана и голова еще не зажила.

Она с испугом посмотрела на меня.

– Во-первых, не сломана, а в ней только небольшая трещина, об этом и Виктор Иванович говорил. А во-вторых, она уже зажила. Сама видишь, что на мне все заживает, как на собаке.

Я откинул простыню и сделал попытку подняться. Зоя Владимировна бросилась ко мне вспугнутой куропаткой, попыталась уложить обратно на постель. Я улыбнулся и решительным движением отстранил ее руки.

– Не беспокойся, мама. Я уже достаточно вырос, чтобы встать без посторонней помощи.

– Да скажи же ты ему что-нибудь, Игорек! – обратилась она к мужу за помощью. – Ему нельзя вставать. Он еще такой слабенький!

Серые глаза Игоря Николаевича внимательно и серьезно смотрели на меня.

– Ты действительно можешь встать, сынок? – спросил он меня.

– Конечно, папа!

– Тогда вставай. – решительно поддержал меня он. – А ты, мать, не мешай.

Честное слово, этот человек нравился мне все больше с каждой минутой! И я стал вставать. Опустил ноги на палатный линолеум и поднялся. Господи, какой я был худой, какой-то нескладный и длинный! Настоящий гадкий утенок из сказки Андерсена.

Я протянул руку за поданным Зоей Владимировной спортивным костюмом и вдруг качнулся. Меня повело в сторону. Сильные руки мужчины немедленно поддержали меня. Я посмотрел в серые глаза, смотревшие на меня с тщательно скрываемым беспокойством, и виновато улыбнулся. Оказалось, что я не настолько окреп, как предполагал.

– Ты в порядке, сын? – спросил он.

– Уже в порядке.

Я натянул на себя спортивный костюм. Плотная дорогая шерстяная ткань легла на узкие плечи и хоть немного прикрыла прямо-таки невероятную худобу тела подростка. Оказалось, что я выше приемного отца почти на полголовы.

Вдруг Игорь Николаевич положил свои сильные руки на мои плечи и притянул меня к себе.

– Я очень рад, сынок, что ты выкарабкался. – прошептал он. – Смотри, не вздумай больше пугать нас с мамой!

На мгновение он уткнулся лицом куда-то мне в шею и отстранился.

– Все, мать, сын стоит на своих ногах. – обратился он к жене, смотревшей на нас с непередаваемым выражением смеси самых различных чувств. – Так что мы с тобой можем идти по своим делам со спокойными душами... Пошли, Зоенька!

– Я провожу вас, – поспешно сказал я.

Мы вышли из палаты и направились по коридору к лестничному маршу. На улице стояла ясная и удивительно теплая для Дудинки погода. Я проводил родителей до самых входных дверей. Они уходили, взяв друг друга под руку, причем Зоя Владимировна все время оглядывалась на меня и махала рукой. Честное слово, я все больше завидовал этим двум людям.

– Скажите, в какой палате лежит Ведунов Юрий Анатольевич? – спросил я дежурную медсестру, перекладывающую на своем столе какие-то бумаги.

Она подняла голову и улыбнулась.

– А, бывший покойничек! Встал на ноги? А Ведунов, парень, лежит в восемнадцатой палате. Только заходить к нему нельзя. Он почти все время находится в бессознательном состоянии.

– Что с ним? – с тревогой спросил я.

– Врачи и сами плохо понимают, что с ним произошло. На вид такой здоровый мужчина и на тебе! Полное нервное истощение. Тут у нас поговаривают, что жена от него ушла. Во общем, темное дело.

«Черт!... Видно пытался меня из Смирно вытянуть и не хватило энергии. – с тревогой подумал я. – А все ты, Юрка. Зачем сбросил энергию, поддался эмоциям? Ты виноват в том, что оригинал лежит здесь без сознания. Ты, чертова копия!»

– Мне бы только посмотреть на него. – просительно пробормотал я. – Можно?

Медсестра отрицательно покачала головой, но я все таки прошел в двухстворчатые двери нервного отделения, тихонько прокрался к дверям восемнадцатой палаты и прислушался. В палате царил полнейшая тишина. Тогда я оглянулся по сторонам и, убедившись, что медсестер не видно, тихонько проскользнул в палату. Она была такой же маленькой и узкой, как моя. Небольшое окно выходило во двор и сквозь грязные стекла была видна кирпичная стена здания туберкулезного корпуса. В самой палате было сумрачно.

«Оригинал» лежал на железной больничной койке, окрашенной в какой-то грязно-голубой цвет. Его ноги высывались сквозь прутья спинки, крупное тело едва умещалось на больничной койке.

Я подошел ближе и меня поразил цвет его лица, почти сливающийся с бело-серым цветом застиранной больничной наволочки. Ввалившиеся щеки, темные тени в глазницах закрытых глаз. Трехдневная щетина дополняла портрет моего двойника. Крепко же тебя, Юрка, перевернуло! – с жалостью смотрел я на своего двойника. – И аура едва теплится. Я протянул руки к неподвижно лежавшему телу, постарался сосредоточиться и внятно произнести про себя магическую формулу.

Медленно, как бы очень неохотно мои пальцы налились зеленоватым сиянием и энергия потекла к двойнику, прозрачным светящимся туманом окутав его неподвижное тело. За прошедшие дни с помощью Зои Владимировны я почти полностью восстановил запасы энергии и теперь так же, как и она, щедро делился со своим двойником, ощущая почти физически, как тяжелый кошмар его беспамьятства постепенно отступает и переходит в глубокий сон.

Тело двойника впитывало энергию как губка, а вот с его мозгом творилось что-то странное. Мне так и не удалось проникнуть в его спящее сознание. Стоило предпринять такую попытку, как передо мной возникала зеркальная стена, которая отталкивала луч моего биологатора, возвращала его обратно. Напрасно я менял частоту и интенсивность мысленного воздействия своего зова. У меня ничего не получалось контакта не было. Опять шуточки нашего подсознания! – мысленно возмущался я. – Черт бы тебя... Да отзовись же ты, Юрка! Что с тобой происходит?

Только окончательно убедившись, что мысленный контакт невозможен, я прекратил свои попытки, напрасно истощив запасы своей энергии, и отступился. По крайней мере, я добился главного: подпитал энергией истощенное до последней степени астральное тело двойника и теперь мой оригинал просто спал.

Решив про себя, что времени у нас с двойником еще достаточно, я тихо покинул палату с твердым намерением обязательно вернуться, когда опять накоплю необходимое количество психоэнергии.

Я вышел в больничный коридор и тут же был вынужден прислониться к стене, пропуская мимо себя женщину. Это была Светлана...

Она шла знакомой легкой походкой, высоко держа голову. Ее взгляд скользнул по мне и ушел в сторону. Это был взгляд все той же чистой и невинной девочки.

Горячая волна ненависти захлестнула меня. Я едва удержался от того, чтобы не выкрикнуть ей в лицо самое грязное оскорбление, какое только мог придумать. Зажав руками рот, я молил бога, чтобы он дал мне силы сдержаться и не сотворить что-либо более плохое. Только потом я вспомнил заострившиеся черты лица Светланы, черные тени под глазами, полускрытые очками. Когда она скрылась за дверью восемнадцатой палаты, я постепенно пришел в себя, начал соображать и удивился: она-то каким образом оказалась в Дудинке? Ведь она вместе с детьми должна находиться в Смирно. Или... Или в Свер... в Екатеринбурге.

Медленно шел я по больничному коридору по направлению к своей палате и по многолетней топографической привычке тихонько разговаривал вслух.

Я не мог понять появления Светланы в больнице. Ведь для этого надо было бросить все и сломя голову мчаться на самолете в Москву, а потом лететь в Алыкель. Приходилось признать, что именно это она и проделала. Видно получила отсюда посланную кем-то телеграмму и решила немного поиграть в благородство. Потому и прикатила, – решил я. – И как это ей разрешил программист? А может быть, я успел-таки отдать ему свой магический приказ?... И все равно концы с концами не сходятся. Дурак будет Юрка, если после всего, что случилось, ей поверит.

Меня вдруг охватило страшное желание повидать ребятишек, посмотреть в круглые глаза дочери, приласкать. Вот только Светлану я не желал больше видеть и надеялся, что очнувшись мой двойник будет думать точно также.

За четыре дня самостоятельной жизни во мне накопилось столько отличий от своего двойника, что и мышление стало тоже самостоятельным. Я все с большей грустью думал о том, что этой самостоятельности мне остается всего пять коротких дней. Потом либо слияние в единый разум, либо постепенная деградация сознания и смерть. Смерть, которая принесет горе еще двоим людям, которые, не в пример Светлане, мне все больше нравятся.

Стоп! Внезапно остановил я себя. Почему ты, Ведунов, постоянно думаешь о неизбежности потери своей индивидуальности или о смерти? Все это могло произойти только в том случае, если бы ты внедрил в тело живого существа, подавив его сознание. Чужой разум постоянно боролся бы с тобой, чужое астральное тело отторгало. Но ведь все было по-другому. Ты вошел в мертвое тело, в котором уже давно не было ни его души, ни астрального тела. Ты занял полностью пустую квартиру, друг ситцевый. После девяти суток, о которых говорила Черная Книга, тебя некому и нечем будет отторгать.

– Ура-а-а! – заорал я таким ликующим голосом, что проходившая мимо меня санитарка тетя Клава от неожиданности вскрикнула и выразительно покрутила пальцем возле своего виска.

– Чего орешь, оглашенный?!

Я схватил ее в охапку и с трудом приподнял грузную женщину, совсем забыв о том, что у меня теперь не свое тело, а тело слабосильного подростка.

– Ура, тетя Клава! – продолжал орать я. – Да здравствует жизнь! Да здравствует лето и солнце!

– Пусти, оглашенный! – отбивалась от меня тетя Клава. – Надсадишься!

Я отпустил санитарку и бегом бросился в свою палату. Все то, что сейчас я сообразил, прежде всего нужно было тщательно обдумать. Судьбою или природой мне представилась уникальная возможность прожить новую, совершенно другую жизнь. Это практически означало, что могу начать жить сначала, избежать множества ошибок, которые я уже совершил, и надевать новые. Кроме того, я могу избавить двух симпатичных мне людей от нового горя и потери сына. Пусть я самозванец, но они-то считают меня настоящим сыном. Теряю я, впрочем, тоже очень много. Ну, во-первых, я теряю детей, мать. Теряю свое, такое привычное и удобное для меня тело, теряю жену, которую я, впрочем, стал ненавидеть. Еще теряю работу, специальность и, превратившись в подростка, теряю взрослую самостоятельность.

Я поежился. Мне, кроме всего прочего, придется ходить в школу, учить уроки, постоянно общаться в школе с салагами... Черт! Все это мне не очень-то нравилось. Как ни крути, а получалось, что все плюсы новой жизни уравнивались не менее весомыми минусами. Взрослому человеку начать вести жизнь подростка, перспектива не из приятных.

А кто тебя заставляет задерживаться на этой стадии, Ведунов? – спрашивал я сам себя. – Все твои умения, специальности, память останутся при тебе. Даже твоя магическая сила. Живи и постарайся быстрее взрослеть. Заставь других считаться с тобой. И, кроме того, у твоего старого тела есть хозяин. Не забывай, что ты только его копия. Не забудь, что твой оригинал, которому ты обязан своим существованием, лежит внизу, почти рядом. Поэтому ты обязан помочь ему всем, чем только сможешь. Постарайся поднять его на ноги. Не забывай, что это у него, а не у тебя, есть мать, дети и внезапно возвратившаяся жена. Он сам должен нести свой крест, выполнять свои обязанности перед родными и близкими. Но ты должен помочь ему!

Кроме того, заявить, что я двойник Ведунова, кому-либо было бы верхом глупости. Появятся мордовороты в белых халатах и быстренько отправят по единственной дороге – напрямиком в сумасшедший дом. Кто из наших сограждан, находясь в здравом уме и ясной памяти, способен поверить в переселение душ?

Так я выбрал окончательно не слияние наших разумов, а отдельное существование. Должен ведь я был как-то отблагодарить людей, телом сына которых я сейчас владел и именно поэтому остался жив и здоров.

Глава 3

Еще три долгих дня я провел в больнице, пока не упросил Виктора Ивановича меня выписать. И все эти три дня, обычно по ночам, я прокрадывался в восемнадцатую палату и накачивал своего двойника энергией пока он спал, полностью израсходовав на него почти всю энергию своего семени.

Аура двойника восстановилась полностью и не выглядела теперь опасно тусклой. Меня только очень беспокоило то, что она оставалась все эти дни серого цвета. Это был цвет равнодушия, душевного надлома и апатии. Но с этим я пока ничего не мог поделать, и меня очень беспокоило то, что я никак не мог связаться со своим двойником с помощью мыслесвязи. По-прежнему мешала зеркальная стена – сфера, которая не пропускала в его сознание мой зов, и я понял, что в результате смирновских событий сознание двойника получило психическую травму, размеров которой я просто не мог осознать. Двойник оставался открытым для обычного общения и был закрыт во всех диапазонах сверхчувственного восприятия. Его дар каким-то образом закапсулировался, создав такую непробиваемую защиту, мощи которой я не мог себе представить.

С помощью обычных средств человеческого общения что я ему мог сказать? Представиться Ведуновым, почему-то оказавшимся в теле подростка? Попытаться слиться в оригиналом в единое целое? А как я мог это сделать, если даже моим попыткам связаться препятствовал зеркальный блок? Оригинал вполне мог не поверить незнакомому долговязому подростку, посчитать его слова не стоящими внимания, бреднями, мог прогнать.

Обдумав в последние дни эту проблему, я решил оставить своего двойника в покое, не говорить ему ничего о моем существовании и положиться во всем на целительное воздействие времени.

Светлана навещала в восемнадцатую палату почти каждый день и выходила оттуда со слезами на глазах. Притаившись где-нибудь в стороне, так, чтобы она не могла меня видеть, я с каким-то болезненным любопытством глядел на эту, ставшую для меня чужой, женщину. Конечно, я замечал, что она страдает, что ей приходится несладко во время посещения восемнадцатой палаты, но в моей душе почему-то не было ни капельки жалости. Если она даже вовремя спохватилась и оставила своего программиста, все равно теперь я не ощущал к этой женщине былого влечения. Любовь, сжигавшая меня долгих восемь лет, ушла безвозвратно.

В последний день перед самой выпиской меня ожидало еще одно, самое последнее потрясение. Я крутился внизу возле кастелянши, ожидая когда она освободится от своих дел и выдаст мне принесенную накануне Зоей Владимировной верхнюю одежду.

Распахнулась входная дверь и я увидел, как в коридор вошла Светлана. Она была не одна. Крепко держась за руку, рядом с ней шли дети.

Я замер и тут же забыл о своей одежде, которую протягивала мне кастелянша. Молча, с трудом удерживаясь, чтобы не подбежать, не поднять ребятишек на руки, я стоял, едва сдерживая слезы, вдруг подступившие к моим глазам.

Значит, не одна прилетела Светлана в Дудинку. А может быть, их привезла теща?

Я смотрел как все трое прошли по коридору и скрылись за дверью восемнадцатой палаты. Что я при этом чувствовал, я просто не могу объяснить. Любовь к детям, боль расставания – все сплелось в моей душе в один огромный клубок переживаний. Я стоял неподвижно, прижимая одежду к своей груди, пока меня не турнула сердитая кастелянша.

– Чего столбом встал на дороге? Отойди в сторону!

Может быть, дети помогут Юрке сбросить с себя настроение равнодушия ко всему, подумал я, поспешно натягивая на себя в своей палате костюм и собирая в хозяйственную сумку оставшиеся в тумбочке продукты, которые не успел сплавить соседям.

Все таки я не нашел в себе сил, чтобы покинуть больницу, пока мои ребята сидели у двойника. Я ждал, пристроившись на стуле у входа в нервное отделение, поминутно вставал и заглядывал в коридор. И дождался. Светлана, по-видимому, специально отослала ребятшек раньше, чем собралась выходить сама. Дети вышли из восемнадцатой палаты странно притихшими. Видно, у них в сознании не могло уместиться, что их папа, такой большой и сильный, лежит беспомощно в больнице.

Я не удержался и, когда они остановились у дверей, тихонько мысленно позвал дочку через звездочку внимания.

– Здравствуй, Юленька!

Она тут же повернулась в направлении восемнадцатой палаты.

– Папочка, это ты? Почему ты так долго молчал и не хотел говорить со мной мыслями, папа? – мысленно произнесла она.

– Я не папа, Юленька! Я просто дядя. – мысленно сказал я и почувствовал разочарование дочери, тут же отразившееся на ее подвижном личике.

– А какой дядя? – быстро спросила она.

– Просто дядя. Я много про тебя знаю, Юля. Твой папа мне много рассказывал про тебя и про Вову. Так что считай меня своим другом.

– А как тебя зовут, дядя?

– Зови меня Ю... дядей Андреем, Юля. Видишь стоит у стены напротив выхода: худой и очень длинный.

– А почему папа со мной не говорит мыслями? – повернувшись ко мне, спросила она.

– Потому что он болен, Юля. И, возможно, еще долго не сможет говорить.

– Тогда я буду говорить с тобой! – решительно заявила дочь.

– Согласен. – ответил я. – Только помни, о чем тебя предупреждал папа, береги свой дар. И постарайся быстрее вырасти... И еще помни: когда тебе понадобится моя помощь, зови, не стесняйся. А теперь, подойди ко мне и мы с тобой познакомимся вслух, с помощью обычных слов.

Дочь послушно подошла ко мне.

– Здравствуй, дядя Андрей! – серьезно сказала она и подала мне маленькую руку.

– Здравствуй, Юля! – также серьезно ответил я. – Может быть ты познакомишь меня с твоим младшим братишкой?

Дочь быстро повернулась к стоящему в стороне насупившемуся Володе и пронзительно закричала:

– Вова, иди сюда, познакомься с дядей!

– Это не дядя, это просто большой мальчик. – независимо пробурчал Володя и не двинулся с места.

Стыд и позор! Я стоял возле здания стационара и мысленно чесал в затылке. Я не знал ставшего теперь своим домашнего адреса! Совсем забыл потихоньку выпытать его у Зои Владимировны. Как же мне теперь быть?

Я глянул на оставшиеся позади больничные двери и не спеша пошел вперед, решив пожить на случай. Мне предстояло теперь совершить много подобных промашек, пока я полностью войду в жизнь незнакомой мне семьи.

Занятый своими мыслями я не сразу обратил внимание, что меня настойчиво окликает какая-то молоденькая девица, пока рассерженная представительница женского подрастающего поколения не догнала меня и не стукнула кулачком по руке.

– Ты что, Соколов, совсем оглох? – рассерженно спросила она.

– Извини! – пробормотал я. – Задумался.

– Где ты пропадал в последние дни? – все так же строго продолжала юная девица.

- Как где? – переспросил я. – В больнице.
- А что ты там забыл?
- Болел.
- Чем болел?
- Упал с мотоцикла.
- Сильно разбился?
- Порядочно.
- Откуда сейчас топаешь?
- Из больницы.
- Куда идешь?
- Никуда, – я постепенно стал злиться. – Просто гуляю.
- И долго ты намерен гулять?
- Это что, допрос? – не выдержал я. – Отвяжись, худая жизнь!
- Ну и подумаешь! – девица гордо вздернула свой носик – Гуляй дальше себе на здоровье.

И она упорхнула, оставив меня во вполне понятном раздраженном состоянии. Поговори называется. А тебе, Ведунов, ... нет, парень, пора тебе отвыкать. Иди теперь и вдалбливай себе в память – Соколов Андрей Игоревич... А что?! Звучит тоже не плохо.

Гулять по Дудинским улицам мне пришлось больше двух часов. Но стоило мне задуматься на несколько минут, как ноги сами принесли меня к знакомому и такому родному недавно своему подъезду.

Я смотрел на знакомые ступеньки и не знал, плакать мне или смеяться. Выручила меня из этого дурацкого положения опять-таки Зоя Владимировна.

– Андрейка! Ну сколько же можно бродить неизвестно где? – услышал я знакомый, слегка задыхающийся голос. – Мы с папой с ног сбились, пытаюсь узнать в больнице, почему они тебя так рано выпустили и куда ты из нее направился.

Она быстро подошла ко мне.

– Пойдем домой, сынок!

– Я гулял, мама. – виновато ответил я.

Зоя Владимировна, как маленького, взяла меня за руку и повела к соседней с моим бывшим домом девятиэтажке. Значит, жили соседями, подумал я. Торжественно Зоя Владимировна ввела меня в квартиру и уже в коридоре я удивленно хмыкнул: богатая квартира – ничего не скажешь.

Широкая прихожая произвела на меня впечатление сразу же. Вместо обоев ее стены были выложены светло-зелеными тисненными плитками из какого-то неизвестного мне материала. Сначала я подумал, что это кафель или резаный камень, но прикоснувшись к барельефу на одной из плит, понял, что это очень удачная имитация из пластмассы.

Небольшая картина в узкой простой раме, писаная маслом, висела на левой стене. Картина была, конечно, самой бездарной мазней, которую мне только приходилось видеть. Зато рядом с ней висели очень удачные имитации африканских масок.

Зоя Владимировна сняла с ног туфли, достала из обувной стойки пару домашних тапочек и пошла сразу на кухню, а я задержался в прихожей, рассматривая маски.

Я смотрел до тех пор, пока она вновь не появилась в прихожей и поманила меня за собой. Мы вошли в просторную комнату, оклеенную не менее великолепными обоями, из которой две двери вели в комнаты, или, как я догадывался, спальни. Зоя Владимировна кивнула мне на одну из них.

– Ты, наверно, будешь ругаться, сынок, но я все-таки немного прибралась у тебя. Там был такой кавардак!

– Спасибо, мама!

Я попятился назад в прихожую, снял легкие штиблеты, выбрал подходящую для меня пару домашних тапочек, аккуратно разложенных в обувной стойке, надел, поставил на место свою обувь и пошел в свою комнату.

Во время этой моей процедуры Зоя Владимировна удивленно посматривала на меня своими серыми глазами, но не сказала ни одного слова.

Я открыл дверь, вошел, затворил ее за собой и повернулся. Черт возьми! Теперь меня не удивляло, что Игорь Николаевич купил своему отпрыску «кавасаки». Ну, во-первых, вся правая стена была оклеена массой великолепных литографий и плакатами с хорошей офсетной печатью. Почти всю правую стену занимали полуметровой высоты плакатные портреты Брюса Ли и Арнольда Шварценнегера во весь рост, во всей своей обнаженной красоте и игре мышц, подчеркнутой умело подобранными красками.

Слева стояла мягкая тахта, рядом с огромным, занимающим всю стену, дорогим индийским ковром. Убранство комнаты дополнял шикарный двухтумбовый письменный стол, трехсекционный платяной шкаф с антресолями, пара мягких кресел. Я уж не говорю о японском телевизоре, корейском видеомэгафоне с массой кассет на специальной трехъярусной полочке, германском музыкальном центре, стоявшем прямо на полу и огромными, висевшими по обе стороны большого, почти во всю стену, окна, колонками. В окно, приглушенное легкими шторами, било послеполуденное солнце.

Я уж не стану упоминать о массе других мелочей, как-то: бронзовые статуэтки, альбомы, книги и прочее... Впрочем, все это располагалось в относительном порядке.

Я ступил на толстый ворс устилавшего весь пол дорогого ковра и осторожно устроился в стоявшем возле письменного стола кресле.

Такого богатства и такой массы дорогих вещей я еще никогда в своей жизни не видел. За креслом я обнаружил небольшой мольберт и целый ящик с масляными красками.

Ну и парень! Я потихоньку покачал головой. Дорого обходятся родителям твои мимолетные увлечения и прихоти! Как же такое Игорь Николаевич смог допустить? Хотя понятно... Единственный сын и еще без ума любящая своего отпрыска мать. Ай да Зоя Владимировна!

В первый раз после своего решения остаться в теле подростка я понял, что жить его жизнью будет не такой простой задачей, как я в начале подумал. Вот такие дела..., Андрей Игоревич! Тебе срочно придется менять свое поведение. Объяснять происходящие в тебе перемены травмой и постараться стать действительно любящим сыном. Причем, не дураком, а умницей.

Вечером вернувшийся из своей мастерской Игорь Николаевич предложил мне и Зое Владимировне скромно отпраздновать мое возвращение в дом и достал из холодильника бутылку шампанского. Праздновать хотели в большой комнате, но я запротестовал, и мы втроем уютно устроились на просторной кухне.

Игорь Николаевич умело открыл бутылку и разлили шампанское в два тонких и высоких бокала. Мне же, переглянувшись с матерью, хотел налить в бокал какого-то тоже искрящегося напитка, чтобы, как он выразился, произнести тост.

Я остановил его.

– Подожди с тостом, отец.

И протянул ему свой бокал.

– Сначала плесни сюда немного шампанского.

Родители снова переглянулись, Зоя Владимировна открыла было рот, чтобы запротестовать, но я поднял ладонь и она промолчала.

– Сначала скажу я свой тост, папа, – обратился я к Игорю Николаевичу. – Давайте выпьем за то, родители, чтобы ваш сын поскорее стал взрослым и как можно меньше огорчал вас, Зоя Владимировна, и вас, Игорь Николаевич! Чтобы он извлек урок из случившегося с ним на прошлой неделе и постоянно помнил это.

Игорь Николаевич во время моей короткой речи то и дело переглядывался со своей женой, а когда я закончил, долго молчал.

– Хороший тост, сын. – наконец произнес он. – За такой тост стоит выпить.

И он залпом осушил бокал. Зоя Владимировна пригубила свой, я тоже.

После своего возвращения из больницы я запер дверь ставшей теперь моей комнаты и пользуясь тем, что Зоя Владимировна куда-то ушла, произвел тщательное исследование вещей, находящихся в моем распоряжении. Мои исследования продолжались до самого вечера, пока не вернулся Игорь Николаевич, и повергли меня в настоящий шок. Этот Андрей... Парнишка совершенно не понимал стоимости предметов и аппаратуры, покупаемых для него родителями. Чего, например, стоил американский компьютер фирмы «Паккард» с цветным дисплеем и невероятным количеством дискет различных компьютерных игр? А обширный набор различных чеканов и резцов по дереву, который я нашел в шкафу и которыми, судя по всему, никогда не пользовались?

Трехсекционный платяной шкаф был под завязку забит одеждой. Только иностранных джинсовых костюмов я насчитал четыре штуки и три пуховика различной расцветки, не считая спортивных костюмов, каких-то курточек, рубашек и самой разнообразной обуви на все времена года.

Дорого мой предшественник обходился своим родителям. Ох, дорого!

Вечером я выяснил причину удивившего меня поначалу обстоятельства, что я никогда раньше не видел на улице и не отметил столь яркую женщину, как Зоя Владимировна. Оказалось, что эту четырехкомнатную приватизированную квартиру мои приемные родители купили в самом конце апреля и только в середине июня переехали в нее со старой квартиры. А в июне, по вполне понятной причине, я никого и ничего вокруг себя не замечал.

Странное дело, но моя столь быстро появившаяся индивидуальность заставила меня все случившееся со мной видеть несколько в ином свете и как бы с другой точки зрения. Я все отлично помнил и понимал. Моя память несколько не пострадала во время недавнего потрясения, так тяжело отозвавшегося на моем двойнике, но теперь я смотрел на все как бы с другой позиции, из другого чувственного восприятия. Более спокойно, что ли. Вся боль и все переживания каким-то образом достались оригиналу, а во мне сохранилась только любовь к детям.

Началась для меня непривычная, странная жизнь, заполненная какими-то несерьезными, тяготившими меня обязанностями и немногими радостями. Хорошо, что мои одноклассники в подавляющем большинстве не знали моего нового адреса и кроме одиночного визита той самой взбалмошной особы, которая встретила меня после больницы, меня никто не навещал.

Не скажу, чтобы я полностью превратился в домоседа, но меня просто никуда не тянуло и я провел долгих три дня, наводя в своей огромной комнате порядок, потихоньку сплавляя на балкон лишние, по моему разумению, вещи.

Когда я взялся за пылесос в первый раз, мне пришлось выдержать настоящий бой с любящей мамой. Я когда я в первый же день после ужина принялся мыть посуду, она едва не упала в обморок.

Игорь Николаевич тоже посматривал на меня со все возрастающим удивлением, но помалкивал и изредка одобрительно усмехался.

Как-то я слышал их негромкий разговор на кухне. Они, видно, были оба уверены, что я сижу в своей комнате, смотрю телевизор, и поэтому разговаривали достаточно внятно для моего обостренного слуха.

– Он стал совсем другим, Игорь. – тихонько пожаловалась вернувшемуся с работы мужу Зоя Владимировна. – Временами у меня возникает такое ощущение, что это не наш сын... Как будто подменили!

– Что ты такое говоришь, Зоя? – ответил ей Игорь Николаевич. – Изменился он заметно, это верно, но я не на радуюсь таким изменениям. Ты слишком баловала его в последние годы,

мать, и он стал таким, что я с тревогой думал о его будущем. Вспомни тот вечер или, вернее, ту ночь, когда его подобрали в стельку пьяного на улице и позвонили нам из отделения милиции. Он ведь тогда чудом не обморозил себе пальцы. Вовремя тогда его подобрали. А вел он себя как в последнее время? По отношению ко мне, да и к тебе тоже. А теперь, разве он себя так ведет, Зоенька? Видел я как вы воевали за пылесос, моя дорогая женушка. Ты и этим недовольна? Он ведь снял с тебя часть твоих нелегких домашних дел.

– Все я понимаю, Игоречек, только странно мне: вчера еще это был ребенок, пусть не совсем правильный, нервный, но мой ребенок, Андрейка мой. А теперь он говорит и поступает так, как будто сразу стал взрослым мужчиной. Понимаешь, от стал меня стесняться. Это меня-то!

Игорь Николаевич только засмеялся на столь горячую исповедь своей жены.

– Ты радоваться должна, милая, что твой сын начал взрослеть. Не будешь же ты его держать постоянно возле себя. Андрей становится мужчиной, Зоенька!

– А эта... его травма, Игорь... Я же вижу как он временами морщится. Спрашиваю: болит, сыночек? А он не сознается, махнет рукой и смеется, скрывает.

– Может быть и травма, вернее ее последствия. – согласился с Зоей Владимировной Игорь Николаевич. – Болевой шок, потрясение, конечно, не могли пройти без последствий. Надо будет сводить его к врачам, Зоя, пусть посмотрят. И все-таки, Андрей мне сейчас больше нравится, чем раньше.

В продолжении этого подслушанного разговора я то краснел, то бледнел. Молодая кожа чутко реагировала на мое душевное состояние. Я не переставал удивляться тонкой интуиции женщины, сразу же заметившей изменение душевной сущности, обитавшей теперь в теле ее сына.

На третий день после выхода из больницы я собрался вместе с отцом сходить в его мастерскую. Он не возражал, но только почему-то понял мое желание совершенно неправильно.

– Решил проверить, действительно ли я сказал тебе правду насчет мотоцикла, Андрей? – Игорь Николаевич усмехнулся. – Что ж, давай сходим, посмотрим, что от него осталось.

Его мастерская находилась буквально рядом с домом. Она располагалась за зданием нового мебельного магазина. Между магазином и железнодорожной линией, продолжая длинный ряд кооперативных гаражей. Из разговора с Игорем Николаевичем выяснилось, что к этим гаражам, готовым и строящимся, он тоже имеет самое непосредственное отношение. Как-то договорившись с горсоветом и железнодорожным управлением, он то ли выкупил, то ли взял в долгосрочную аренду эту землю и на свои средства начал строить гаражи, продавая потом автолюбителям, желающим иметь пристанище для своих машин.

Мастерская, несмотря на свой непрезентабельный вид, внутри выглядела внушительно. В ней, к моему удивлению, трудилось шесть человек высококвалифицированных специалистов. Кроме ремонтного бокса в ней было отдельное помещение, где стояли новенькие станки и агрегаты. Токарный станок, фрезерный, строгальный, пара сверлильных. Был отдельный закуток для сварочного агрегата, помещение для жестяных работ и окраски. Везде, во всех помещениях была исключительная чистота и порядок. Необходимый для работы инструмент и запчасти лежали на умно расположенных стеллажах, что было, конечно, немыслимо на государственных предприятиях.

Я с невольным уважением посмотрел на человека, который стал моим отцом. Это был настоящий хозяин, рачительно относящийся к своему делу, да и рабочие, работающие в мастерской, не выглядели пьяницами. Это были здоровые, уверенные в себе люди.

– Сколько каждый из них получает зарплаты? – спросил я Игоря Николаевича.

– Работа сдельная, – ответил он негромко, – Естественно, с учетом качества выполненной работы: от ста восьмидесяти до двухсот тридцати тысяч. Это на данный отрезок времени,

с учетом нашей инфляции. Все остающиеся средства я с согласия коллектива вкладываю в строительство гаражей, приобретение аппаратуры и расширение мастерской.

Игорь Николаевич объяснил мне все подробно и спокойно, как взрослому. Я же внимательно слушал и откладывал все сказанное отцом в памяти.

– Пошли в ремонтный бокс. – предложил он, – Там как раз сегодня мы заканчиваем ремонт двух «жигулят». Заодно и на свой «кавасаки» посмотришь. Вернее, на то, что от него осталось.

В ремонтном боксе стояло сразу несколько покореженных легковых машин и два «жигуленка» восьмой модели, которые действительно выглядели как новые. У одного из них, цвета морской волны, с открытым капотом возился механик, наводя последний блеск.

Я обратил внимание на то, что выхлопная труба машины подсоединена к вентиляционной системе гибким шлангом и догадался, что скоро будут опробовать отремонтированный двигатель.

Механик, видимо, ожидал появления Игоря Николаевича, потому что как только мы вошли, он посмотрел на отца и, увидев, как он кивнул, тут же запустил стартером двигатель.

Игорь Николаевич послушал работу двигателя несколько минут, погонял его на всех режимах, потом удовлетворенно кивнул механику. Тот заглушил двигатель.

– Все в порядке, Николай Алексеевич, можешь звонить владельцу, пусть забирает.

Я тронул его за рукав и он повернулся ко мне.

– Что тебе, Андрей?

– С машиной не все в порядке, отец.

– Ты так думаешь? – удивился он. – Почему?

– А ты сам внимательно послушай как работает двигатель, ты его гонял сейчас без нагрузки и поэтому было не так заметно. Вот послушай. – и я запустил двигатель. – Слышишь?

Игорь Николаевич долго прислушивался, потом подозрительно посмотрел на меня и отрицательно покачал головой.

– Ничего подозрительного не слышу. Ты не выдумываешь, случайно, Андрей?

– Обрати внимание, как дребезжит воздушная заслонка. – настаивал я. – О чем это тебе говорит? Она говорит о том, что ослабли крепящие ее два болтика. Кроме того, она говорит, что недостаточно притянут болтами впускной коллектор. Или, что более вероятно, подсекает прокладка. Ее нужно заменить. Правую прокладку. И еще. Задней крестовине карданного вала осталось работать не больше одного часа, в ее корпусе уже давно образовалась трещина. Крестовина разлетится от первой же повышенной нагрузки.

– Вот уж этого-то ты, Андрей, никак заметить не мог! Машина стоит на месте и кардан не вращается.

– А ты проверь мои слова, отец. – настаивал я и, чтобы прекратить разговор, направился в угол, где, словно на выставке, торчали останки моего «кавасаки».

Игорь Николаевич не обманул. Сверкающий хромом и полировкой дорогой мотоцикл был действительно раздолбан в пух и прах страшными ударами тяжелой кувалды. Несколько ударов достались двигателю водяного охлаждения и теперь он напоминал мне яростный оскал изуродованного рта с торчащими кое-где зубами. О ремонте «кавасаки» действительно нечего было думать.

«Кавасаки» яснее ясного показал мне силу чувств отца, своими руками купившего эту «смерть» для своего отпрыска и слишком поздно понявшего это. Когда мы с отцом вышли на улицу он с удивлением спросил меня:

– Откуда ты научился диагностике двигателей по слуху, сын?

Я вынужден был пожать плечами.

– Понятия не имею, отец. Просто я стал слушать его вместе с тобой и у меня что-то получилось.

– А с крестовиной как? Машина-то ведь стояла на месте и кардан не вращался.

– А что мне могло помешать просто заглянуть под машину и заметить трещину?

Игорь Николаевич весело захохотал.

– Все, Андрей! Сдаюсь полностью на милость победителя! Видел бы ты, как поглядел на тебя Вахрушев, когда все сказанное тобой подтвердилось. Он меня спросил: ему что, черт на ухо нашептал?

– А там что за колышки торчат за мастерской? – спросил я, желая отвлечь Игоря Николаевича от обсуждения моих способностей к диагностике.

– Это, сынок, разметка будущего строительства. Хочу пристроить к мастерской еще одно помещение.

– Оно что, будет в плане прямоугольником или трапецией? – спросил я, так как опытным глазом геодезиста заметил некоторое несоответствие линий.

Игорь Николаевич не понял меня.

– То есть как это трапеция? – переспросил он. – Естественно оно будет прямоугольным.

– Тогда смотри, мне кажется, что дальняя сторона разбивки короче примерно на метр, может быть, немного меньше.

Игорь Николаевич тут же вернулся в мастерскую и вышел из нее с рулеткой в руке.

– Давай, сын, проверим твой глаз.

Я почти угадал. Ближняя к железной дороге сторона будущего здания действительно оказалась разбитой неправильно. Она оказалась короче на шестьдесят сантиметров.

Вернувшись вечером домой Игорь Николаевич так красочно разрисовал жене мой триумф в мастерской, что вынудил меня покраснеть. Любящий сына отец с первого раза поверил в удивительные способности своего отпрыска и теперь постоянно приглашал меня послушать и осмотреть готовые к выдаче клиентам машины. В свою очередь могу признаться, что я всегда с удовольствием принимал эти приглашения и помогал, как мог, постановке диагноза и обнаружению будущих неполадок. Естественно, о том, что я пользуюсь при этом своим сверхчужденным восприятием, никто не догадывался.

Глава 4

Когда случилось несчастье с сыном, Зоя Владимировна взяла на работе месячный отпуск без содержания и теперь все свободное время проводила в хлопотах по дому, беготне по магазинам. Постоянно что-то стирала, гладила, шила. Для нас с Игорем Николаевичем она готовила такие обеды, что даже у меня, почти абсолютно равнодушного к качеству пищи, буквально текли слюнки при взгляде на приготовленные Зоей Владимировной блюда. Свою новую четырехкомнатную квартиру она старалась содержать с идеальной чистоте и порядке. Во общем она была из тех неутомимых хлопотуний, которые способны целый день крутиться по дому, как белка в колесе, и постоянно придумывать все новые и новые занятия. Светлане было так же далеко до этой женщины, как до солнышка.

При уборке комнат у нас с нею постоянно возникали полушуточные-полусерьезные конфликты, хотя, положа руку на сердце, я не могу сказать, что моя помощь ей не нравилась.

Может быть, я иногда действительно перебарщивал со своей помощью, так как считал себя обязанным помогать своим названным родителям во всем. Вот только они никак не желали понимать этого, что и приводило иногда к конфликтам.

Я чувствовал себя кукушонком в чужом гнезде. Подкидывшем, заменившим родного сына ничего не подозревающим родителям. Напрасно мой разум постоянно твердил, что я не виноват в случившемся, что так распорядилась всеми нами судьба, или всемогущий случай.

Разум говорил одно, а проснувшаяся совесть говорила совершенно другое. Я считал себя тунеядцем, незаслуженно пользующимся всеми теми благами, которые должны были принадлежать другому. И я старался хоть как-то компенсировать эти моральные и материальные затраты.

Постепенно, несмотря на постоянные моральные самобичевания, моя жизнь входила в нормальную колею. Я узнал всех работников мастерских, запоминал людей, что иногда навещали родителей. Задерживаясь вечерами на кухне вместе с Зоей Владимировной, я постепенно узнал и запомнил множество сведений о себе, о Игоре Николаевиче, о ней самой, о проживающих на «материке» родственниках.

Как-то, шарясь на антрессолях платяного шкафа в своей комнате, я обнаружил альбом, в котором рукою Зои Владимировны были аккуратно наклеены множество фотокарточек, подробно прослеживающих мою предыдущую жизнь с рождения и до самого последнего времени. Я просмотрел альбом очень внимательно и с помощью магии тщательно зафиксировал все в своей памяти. Весь пройденный ее сыном жизненный путь от пухленького розового грудничка до голенастого и нескладного подростка.

Особенно помогли мне групповые фотокарточки и групповые фотомонтажи. Ну, знаете, такие овалом вырезанные портреты с надписями имен и фамилий, которые потом наклеиваются на лист ватмана и вновь переснимаются?

С помощью этих групповых фотокарточек я запомнил всех одноклассников и одноклассниц. Выяснил, например, кто такая та самая настырная девица, которая встретила меня после больницы и потом навестила в новой квартире. Она оказалась Аленой Ткач, с которой мы учились вместе с первого класса по десятый включительно. А первое наше знакомство состоялось еще в садике.

Зоя Владимировна засмеялась, когда а ей напомнил об Алене и начала с удовольствием вспоминать, как мы тогда подрались из-за какой-то игрушки, причем эта самая Алена накостыляла мне по первое число.

Я притащил на кухню альбом и мы с Зоей Владимировной просидели над ним больше часа, разглядывая давние фотокарточки, вспоминая и запоминая самые малейшие подробности этих воспоминаний.

В субботу утром я проснулся рано от какого-то странного шума, доносившегося как будто из коридора. Звук не походил ни на что слышанное мною раньше в этой квартире. И только потом я понял, что этот шум доносится до меня из комнаты напротив кухни, которую я при своем знакомстве с квартирой мысленно окрестил спортзалом, хотя Зоя Владимировна утверждала, что это кабинет отца.

В комнате действительно стоял одно-тумбовый письменный стол. На полках самодельного книжного шкафа лежали папки с документами и технической литературой по автомобилям различных марок, автомобильным двигателям. Кроме того, я обнаружил каталоги запчастей и справочники. В ящике письменного стола лежал простенький микрокалькулятор, логарифмическая линейка, стопка бумаги и с десяток карандашей и ручек.

За письменным столом стояло простое жесткое кресло и больше ничего в этой комнате не было, если не считать шведской стенки, массивного деревянного помоста, обитого толстой эластичной резиной, на котором стояли различные гири, гантели и небольшая штанга. Все остальное пространство комнаты занимали искусно и с умом размещенные спортивные тренажеры, которыми, по-видимому, постоянно пользовались.

Я тихонько поднялся со своей постели, натянул на себя спортивный костюм и отправился в комнату, из которой по-прежнему доносились ритмичные звуки.

Игорь Николаевич занимался на силовом тренажере, напрягая хорошо развитые мышцы плечевого пояса и ритмично дышал сквозь стиснутые зубы. Тяжелые грузы тренажера с шорохом ходили по направляющим вверх и вниз, сопротивляясь усилиям перекачивающихся мышц.

Отец был в светлой майке и таких же трусах. Он увидел меня и не прерывая движений поприветствовал меня немного удивленной улыбкой.

– Что-то ты рано поднялся сегодня, сын.

– А может быть, мне тоже захотелось немного размяться?

– Ну что ж. Я приветствую такое решение, Андрей. – сказал он. – Если только оно достаточно серьезно.

Он прекратил упражнение и поднялся с пластмассового лотка тренажера. Я с невольным уважением смотрел на атлетическую фигуру Игоря Николаевича с рельефно выделяющимися мышцами. Он был явно в отличной форме. Общее впечатление от фигуры атлета портил только безобразный рваный шрам на левой ноге, глубокой ямой вгрызавшийся в икру. Был еще очень большой желвак на плохо сросшемся ахилловом сухожилии. Я и раньше замечал, что Игорь Николаевич при ходьбе слегка прихрамывает, но только сейчас понял причину.

– Не беспокоит? – кивнул я на его ногу.

Игорь Николаевич проследил за направлением моего взгляда и вздохнул.

– Беспокоит, сын. Временами еще как беспокоит. Память моего армейского прошлого. Но что делать, сынок, приходится терпеть, потому что это надолго. По крайней мере, я думаю, до конца жизни.

– Можно ведь обратиться к хорошему хирургу, прооперировать.

Игорь Николаевич улыбнулся.

– Некогда мне, сын. Ложиться на операцию ахиллова сухожилия, значит потерять полтора месяца, не меньше. Я не могу себе этого позволить. – и посоветовал. – Раз решил заниматься, Андрей, начинай с небольших нагрузок и постепенно увеличивай.

Он с сомнением окинул взглядом мою хилую и длинную фигуру.

– Если ты опять не бросишь через неделю. – добавил он.

Это меня задело.

– Спорим, что через полгода у меня будет фигура не хуже твоей! – предложил я и посмотрел в серые усмехающиеся глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.